

Я Евгения Кротова
Верю в чудеса...

Евгения Кротова
Я верю в чудеса (сборник)

«Евгения Кротова»

2018–2019

Кротова Е.

Я верю в чудеса (сборник) / Е. Кротова — «Евгения Кротова»,
2018–2019

Мы, взрослые, как только взрослыми становимся, перестаем верить в чудеса. Вот Деду Морозу к нам и не интересно приходить. Да и опасно: придёшь к нам, а мы еще полицию позовем. Но только вера в чудеса заставляет нас дышать и делать следующий шаг по едва заметной в потемках тропе. Тропе нашей жизни.

Содержание

Танго	5
Полюби меня властно	14
Муська	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Евгения Кретьова

Я верю в чудеса

(сборник)

Танго

Нежные ещё, ласковые лучи первого весеннего солнца касались её рук, оголенной шеи, порозовевших от беззаботного счастья щёк. В тёмных волосах, прямых и длинных, словно русалочьих, играли золотисто-розовые блики. Она медленно кружилась, закрыв глаза и впитывая в себя тепло, по которому так соскучилась в эту пасмурную и холодную зиму. За плечами – преддипломная практика, дипломный проект, часы в пыльных залах библиотек, нервные перешёптывания родителей. Впереди – шаг в неизвестность.

Сейчас – короткий миг, принадлежащий только ей.

Тревожная мелодия «Кумпарситы»¹ вывела её из равновесия: на экране светилась аватарка улыбающейся мамы.

– Алло, – отозвалась, скрывая вздох. Всё, веселью конец.

– Стеша, где ты так долго? – требовательный, чуть капризный голос. Мама никогда не работала, создавая уют, обустривая быт своему мужу и Стешину отцу, видному адвокату, профессору кафедры гражданско-правовых дисциплин престижного московского вуза, автору бесчисленного количества работ в области сравнительного правоведения. Наверно, только руководя жизнью такого человека, как её отец, можно увериться в собственной божественной непогрешимости.

– Я иду, мам. Только из университета вышла. Марго дипломную приняла, на этот раз без замечаний, – Марго – Маргарита Николаевна Зильбер – её научный руководитель, женщина сложная, болезненно реагирующая на знаменитого отца своей подопечной, несколько раз заставляла переписывать дипломный проект, требуя всё более глубокого анализа.

Мать фыркнула в трубку:

– Да кто бы сомневался... Слушай, захвати в супермаркете сыр вкусненький. Ну, ты знаешь, какой мне нравится. И не задерживайся. В семнадцать сорок пять чтоб дома была. Тебе ещё надо переодеться к ужину.

Всё ясно. «Переодеться к ужину» могло означать только одно – сегодняшний семейный ужин наверняка не будет тихим.

Стеша послушно слушала материнские указания, неохотно перешагивая через тёмные, покрытые тонкой ледяной крошкой лужи. Взгляд блуждал и неожиданно упёрся в светлые глаза с искринкой. Они смотрели на неё, как на старую знакомую, и улыбались. Будто знали о ней больше, чем может знать прохожий. Высокий худощавый парень в тёмной военной форме сидел на скамейке в парке и улыбался ей, пряча на дне серых глаз ватагу чертенят.

Стеша смутилась и ускорила шаг.

* * *

Конечно, она не ошиблась.

¹ *Кумпарсита* – (исп. La Cumparsita) – танго, одно из самых известных произведений этого жанра, автор – Херардо Эрнан Матос Родригес, написал его в 1914 году, будучи студентом, как марш, посвященный студенческой «кумпарсе» (cumparsa) – группе, в которой в то время состоял автор: отсюда-то позднее и возникло название танго.

Конечно, её подозрениям было суждено сбыться.

Дома затевался грандиозный «сейшен». Начищен и выставлен хрусталь. Расправлены складки тяжёлых штор в гостиной. Начищен паркет.

На маме – элегантные узкие светло-бежевые брюки и свободная блуза навыпуск, крохотный кулон с изумрудом искрится на изящной шее. Золотистые волосы нарочито небрежно завиты и подобраны, оголив бархатистую кожу. Татьяна Николаевна в свои пятьдесят с небольшим могла дать фору многим двадцатилетним красавицам: стройная, ухоженная, уверенная в себе. На её фоне Стеша выглядела неоперившимся утенком.

– Ого, – протянула девушка, вручая матери полиэтиленовый пакет из супермаркета и сбрасывая с плеча сумку. – Это такой у нас семейный ужин?

– Приходится заботиться о счастье собственной дочери вот этими самыми, уставшими от семейных хлопот, руками, – мать театрально возвела ладони к потолку и закатила глаза.

Стеша тяжело вздохнула, прячась за дверью собственной комнаты: ясно, Олега позвали.

Олег Савельев – потенциальный жених. В последнее время он стал всё чаще приглашаться в дом, всё чаще задерживаться у отца в кабинете, всё добродушнее волочиться за матерью. С девушкой шутил и балагурил. Звал то на концерт модной группы, то просто побродить по городу. Ухаживал неумолимо и довольно мило. Стешу это устраивало: полунамёк на симпатию, лёгкое прикосновение, загадочная полуулыбка. А ближе к Новому году Олег стал смотреть на неё задумчиво. Будто приглядывался. И под этим взглядом Стеша ёжилась и холодела.

Вздрагивала невольно от попыток задержать в руках её ладонь. Прижаться коленом под столом к ноге. Дотронуться «нечаянно» до плеча, локтя... груди. Он ей нравился, Олег Савельев, будущий дипломат. Высокий. Красивый. Сильный. Уверенный в себе. И улыбка у него хорошая. И добрый он. И терпеливый. Это всё головой хорошо понималось. А вот сердце тревожно и с тоской билось, едва мелькала в телефоне его аватарка.

И сегодня сердце чувствовало неладное: хрусталь достали неспроста.

Ближе к половине седьмого вечера под потолком зазвенел, переливаясь, звонок, послышался шум: в холле базили и щебетали чужими голосами. Стеша, в узких джинсах и не застёгнутой ещё рубашке, собирала в высокий хвост волосы.

Стук в дверь и одновременное бесцеремонное нажатие на ручку заставили вздрогнуть и судорожно схватиться за пуговицы: в комнату проскользнул Олег. Сегодня особенно начищен, улыбчив и душно обходителен.

– Ты чего тут копаешься? – прошептал, оглядывая её с ног до головы взглядом, от которого хотелось закрыться. Притянул к себе за талию, сорвал поцелуй, не замечая воинственно выставленных вперёд девичьих локтей. Его дыхание, горячее и тревожное, заставило сердце замереть. Его руки скользили по напряжённым плечам девушки, по узкой спине, спускались всё ниже...

Стеша нервно выдохнула и рывком отстранилась:

– Не надо.

Он сделал вид, что ничего не заметил, посмотрел искоса:

– Ты в курсе, мы всем составом к вам пожаловали?

Стеша вспыхнула:

– Так там – твои родители?! – мягко высвободила свои руки, чуть отстранилась.

Он усмехнулся, откровенно заглядывая под распахнувшийся ворот рубашки:

– А я о чём? Командировали тебя выпарывать тебя из твоей кельи.

Стеша почувствовала, как краснеет, поправила воротник, застегнула пуговицу. И щёки, и уши, и шея, кажется, даже припухли от волнения. Олег хохотнул, глядя на ее маневры, перехватил ее запястья, притянул к себе, в глазах загорелся лихорадочный блеск. Рука скользнула к талии девушки, ловко забралась под рубашку. Стеша шумно вздохнула, попробовала перехватить

тять нахальные пальцы, которые умело пробирались по оголенной коже выше, обжигая откровенным прикосновением.

– Олег!

Он откровенно забавлялся, наслаждаясь ее неловкостью, смущением. Словно дачный кот, поймавший мышь, он с охотничьи азартом, позволял себе все больше.

Пальцы потянули застежку бюстгалтера.

У Стеша округлились глаза, она дернулась сильнее, вырываясь:

– Ты с ума сошел! – прошипела испуганно и поймала на себя его острый изучающий взгляд, почувствовала его влечение, которое будоражило его именно близостью родителей, возможностью быть обнаруженным.

На его губах играла бессовестная ухмылка:

– Брось! Ты их что, боишься?! – А по мне так это очень возбуждает.

Стеша ужом вывернулась из тесных объятий, прошептала:

– Не в том дело, – она с трудом подбирала слова, никак не могла собраться. – Я не ожидала, что они сегодня придут.

Олег улыбнулся ещё шире:

– А причину их прихода тебе рассказать? Или сюрприз хочешь?

Девушка почувствовала, что сердце оборвалось и с размаху ухнулось в ледяной колодец, так плохо ей стало.

– К-какой сюрприз? – она понимала, что выглядит, как последняя идиотка – и так всё ясно. Но неужели вот так, сейчас, при всех, ей придется принимать какое-то решение? Что-то правильное говорить, обещать? Неистово и преданно улыбаться?

– К которому ты совершенно не готова, – он оценивающе посмотрел на неё, по-хозяйски уверенно распахнул дверцы шкафа и вытащил тонкое шёлковое платье, нежно-голубое. – Вот в это переоденься, – не признающим возражений голосом объявил он.

Скрестив руки на груди, прислонился к дверце шкафа, очевидно рассчитывая, что Стеша станет переодеваться при нем.

– Выйди. Иначе пойду в джинсах.

Он криво усмехнулся, привлек девушку к себе и бесцеремонно поцеловал, больно кусая губы девушки. Только после этого победно посмотрел на нее и, наконец, выскользнул из комнаты.

Олег всё обставил с большим пафосом. Бросание на одно колено, прикладывание к руке, влажный взгляд, высокопарные речи – полный голливудский комплект. Кто его надоумил – неизвестно. Но обе маменьки умиленно складывали руки, вздыхали и закатывали глаза.

Уже составлены списки гостей. Выбрано место бракосочетания и свадебного пира. Уже продуманы развлечения и подарки молодым. Мама только изредка поглядывала на Стешу, осведомляясь, согласна ли она.

Та вначале кивала, выискивая в душе искорку радости и предвкушения счастья, потом перестала. Всё решено без неё.

Отец после ухода гостей похлопал по плечу:

– Не трусь, дочь. Олежка хороший парень, перспективный, серьёзный, мотивирован на успех, и к тебе хорошо относится. Вы только с детками повремените, чтоб и у него всё сложилось, и ты не в домохозяйках осталась, с твоей-то головой. Я, кстати, с Василь Геннадьевичем уже всё обсудил, завтра к нему съездишь, познакомишься поближе с будущим начальником. И там, – он выразительно изогнул седую бровь, – очаровательней улыбайся – такие места на дороге не валяются.

Итак. Муж выбран. На работу, считай, пристроена. Дом и дерево – на очереди. С детьми разрешили повременить.

Дорога из жёлтого кирпича упёрлась в ворота Изумрудного города².

* * *

На следующий день она поехала знакомиться с будущим шефом. Нервно поглядывая на часы, она притопывала ногой, мысленно подгоняла автобус, жёлтое туловище которого уже показалось и встало на перекрёстке, перед красным сигналом светофора.

– Ну, пожалуйста! – опаздывать на такую встречу не входило в её планы.

Транспорт неторопливо подъехал к остановке, важно распахнул двери, впуская замерзших пассажиров внутрь. Медлительные горожане оплачивали проезд, чинно проходили через турникет. Стеша уже готова была взвыть. Заскочив в салон, она плюхнулась на свободное сидение у окна. В сумке завибрировал сотовый. Машинально посмотрев время и отметив, что Василь Геннадьевич может уйти обедать, она увидела на аватарке улыбочивое лицо Динки Ивановой – институтской подруги.

– Чего сегодня вечером делаешь? – Стеша ничего не планировала. – Тогда пошли с нами, мы в «Точку»³ собрались, прикинь, там «Гераклион»⁴ играет сегодня. Ирка добыла приглашения. Пойдёшь? Можешь и Олега своего взять, места есть.

Стеша посмотрела в окно: небо набухло тяжёлыми тучами. К вечеру наверняка пойдет дождь.

– Пойду. Без Олега, – коротко отозвалась она, не решившись рассказать о вчерашнем предложении руки и сердца. Тем более что с Олегом давно повелось – звонил только он. В строго определенное время. Он не любил экспромтов. Он не любил неожиданностей и сюрпризов. Даже готовя подарок, он всегда сообщал, что подарит – чтобы точно «попасть».

Двери автобуса распахнулись, впуская очередную группу пассажиров. Сердце ухнулось в пятки – в салон входил вчерашний незнакомец из институтского сквера. Тот, с широкой улыбкой и серыми лучистыми глазами. Заметив Стешу, удивился, но тут же подошёл. Чёртики в глазах с любопытством уставились на неё:

– Привет. Маленький город, правда? – у него бархатистый голос, в который хочется укутаться.

Стеша усмехнулась.

– Егор, – он тихо представился. – Ты далеко путь держишь?

Стеша назвала адрес, втихаря разглядывая незнакомца. Худощавый, но плечистый, высокий, лицо едва тронут загаром. Улыбка открытая, чуть сдержанная.

– Ты там надолго планируешь?

Пожала плечами:

– От силы час.

Он понимающе изогнул бровь.

– Я могу подождать? – чуть склонил голову к плечу в ожидании ответа.

Стеша посмотрела прямо в его глаза: чёртики притихли, замерли, наострив лохматые ушки.

– Подожди.

И весь разговор с Василием Геннадьевичем пыталась сосредоточиться и выбросить из головы этого странного парня, который, конечно, поехал дальше. И она его вряд ли когда-то увидит – не бывает в Москве таких совпадений.

² «Волшебник Изумрудного города» – известная сказка А. Волкова.

³ Такого клуба в Москве не существует. Существовавший до весны 2003 года одноименный клуб закрыт.

⁴ Несуществующая в действительности рок-группа, любые совпадения случайны.

Но, выходя из здания, сразу увидела его: подтянутая фигура в форме и с букетом алых роз.

– Один час двадцать минут и сорок шесть секунд, – улыбнулся он, вручая ей цветы.

* * *

Клуб «Точка» располагался в самом центре. Живописный сквер, горделивый барельеф у метро как контраст мрачно-брутального интерьера клуба.

Небольшая сцена, хороший звук, просторный танцпол сделали его культовым местом отдыха молодежи. Здесь не было безбашенных малолеток. Сюда приходила почтенная публика, в душе которой играл рок.

Стеша выбралась из душного метро. Идти особого желания не было, но отказаться – значит, нарваться на допрос с пристрастием к Динке, а психологических бесед и экзерсисов сейчас хотелось меньше всего.

Встреча с Егором всколыхнула что-то в душе, подняла со дна илистую муть, неплотную и неясную. С ним оказалось легко. Интересно. Он никого из себя не строил, не пытался произвести впечатление. Рассказывал почти всю дорогу до метро о кораблях и море. А потом попросил номер телефона. Она сделала вид, что не услышала.

– Стешка! Пришла!!! – около входа в клуб к ней подлетела Динка, сумасшедший начёс на её рыжей шевелюре делал подругу похожей на огненный смерч. – Глянь, какая штука у меня есть.

Она закатала выше локтя рукав пальто, демонстрируя подруге татушку с феерическим драконом с обложки последнего альбома «Гераклиона». Стеша вытаращила глаза:

– Ты с ума сошла, что ли? Всю жизнь теперь прятать!

Подруга самодовольно осклабилась:

– Деревня ты! Это ж временная. Но зацени как круто?!

Стеша пожала плечами.

Молодой парень в гардеробе принял их пальто, мельком глянул на пригласительные и выдал ядовито-зелёные браслеты:

– Вам в «Зелёную зону», прямо и направо, рядом с баром.

– Кру-уто! – Динка от возбуждения закипала. Взбитые густой пеной рыжие патлы походили на пар от закипающего чайника. – Ирка тоже уже должна подойти.

– Она там, в зале? – Стеша почувствовала першение в горле, от надрывного рева электрогитары подташнивало и звенело в висках.

Динка неопределенно махнула головой.

– Какая разница? Не там, значит, подойдет. Большая девочка.

Стеша покачала головой и полезла в сумку за телефоном:

– Договорились вместе, значит, и надо вместе, – она посмотрела на горящую нетерпением подругу с жалостью. – Ты иди. Я дозвонюсь до неё и найду тебя в этой самой зелёной зоне.

Динка раздраженно фыркнула и бросилась внутрь. Стешу, словно цунами, накрыло оглушительным слайдом⁵ бас гитары, запахом сигарет и сухого дыма. Подруга скрылась в мерцающем мареве огня и тяжёлого бита.

Стеша присела на край дивана, достала телефон. Зелёный значок месседжера с красной циферкой непринятого сообщения. Ирка писала, что задерживается минут на десять, и просила подождать её в холле. «А то где я вас там искать буду», – приписала подруга.

⁵ Слайд (англ. Slide guitar) – особый метод или техника игры на гитаре, при котором играют при помощи слайда (от англ. slide – скользить, плавно двигаться), надеваемого на палец. Слайд во время игры не отрывается от поверхности струн, а скользит по ним. Струны при этом не прижимают к ладам. Получается характерный для рок-металла звук.

Стеша посмотрела на время отправки сообщения: Ирка три минуты как должна быть здесь. Девушка решила попробовать набрать Иркин номер, но связь ловила плохо, треугольник шкалы то мелькал на единичке, то пропадал вновь. Стеша, выставив вперед руку с зажатым в ней сотовым, пошла по вестибюлю искать связь.

Лучше всего «ловило» в туалете, причём, чем выше, тем лучше.

Сбросив туфли, Стеша вскарабкалась на крышку. Раздались протяжные, медлительные, как майский мёд, сигналы.

– Я уже у метро! – крикнула Ирка в трубку и отключилась.

В туалет кто-то зашёл, в нос ударил приторно-сладкий аромат духов. Стеша аккуратно спустилась, надела туфли.

– Алё, Котик, – прошептал кокетливый голосок. – Ну, я соскучилась уже. Ты когда подъедешь? – Стеше неловко было, но и выходить из кабинки сейчас, посередине разговора, тоже как-то... неловко. Она замерла и притихла, стараясь не прислушиваться. Ей представлялась блондинка в провокационном мини и в кукольно-розовом топике.

Незнакомка радостно вскрикнула:

– Правда? УЖЕ здесь?! Я бегу-бегу!

И она, окутанная конфетным ароматом, выпорхнула из дамской комнаты.

Стеша вышла из кабинки, вымыла руки, пригладила волосы. В таком освещении она была похожа на панночку из Гоголевского «Вия»: бледная кожа, брови вразлёт, пронзительный взгляд. Веночка не хватает и белого балахона. Девушка хмыкнула, подхватив сумочку и сотовый, направилась к выходу.

У гардероба миловались двое. Блондинка в головкружительном, едва прикрывающем попу, мини, и на двенадцатисантиметровых шпильках тёрлась о высокого худощавого парня, висла на его шее, отставив ножку в чулках в крупную сетку. Тот млел и таял от внимания, улыбался глупо и влюблённо.

Стеша замерла, почувствовав, что дышит с трудом. Отпрянув, присела на край дивана. В голове тяжёлую дробь отбивали ударники из зала. Кажется, она слышала эту композицию. «Убей меня, но больше не зови».⁶

Мысли, будто жернова, в тесном мозгу медленно кружились в такт музыке и гранжевому тексту.

Незнакомка нежно прильнула к его губам, прижалась стройным телом. Его руки обхватили талию, чуть надавили на спину, впечатывая упругие формы в своё тело, скользнули ниже поясницы, поглаживая упругие бедра.

Стеша облизнула пересохшие губы. В руке завибрировал телефон: не глядя, она знала, что это – Ирка.

Входная дверь распахнулась, обдав целующихся вечерней свежестью и ароматом дождя. Ирка громогласно поздоровалась со всеми присутствующими, чем невольно отвлекла обнимающуюся парочку. Парень, ещё томно прикрывая глаза, оглянулся и замер:

– Олег? – голос Ирины сорвался, глаза округлились, взгляд скользнул по прижавшейся к парню нимфе.

– Олежа, кто это?

Парень моргнул, по белому лицу пошли малиново-красные пятна, в глазах читался судорожный поиск алгоритма оправданий. Ирина отвела взор с его окаменевшего лица и встретилась взглядом со Стешей.

Савельев чуть отстранился от подруги, автоматически приняв отрешенный вид, но по лицу невесты понял, что она видела всё.

Всё, что ей видеть не полагалось.

⁶ Несуществующая композиция, любые совпадения случайны.

Все трое замерли. Незнакомка в мини обиженно надула губки, уже открыла рот, чтобы начать ныть.

Ирина рыкнула; махнув через крохотный вестибюль, она схватила подругу за локоть и поволокла вон, мимо остолбеневшего и шепчущего невнятные оправдания Олега.

Его лицо плыло перед Стешей, словно в замедленном немом кино. Она до мельчайших подробностей видела его глаза, чуть растрепавшуюся в объятиях знойной красотки причёску, к которой он никогда не разрешал ей, Стеше, прикасаться, расстёгнутый ворот рубашки, которую она, Стеша, ему подарила на день рождения. Терпкий аромат модного одеколona смешался с приторно-сладким конфетным запахом блондинки, вызывая приступ дурноты. Вот же только вчера в любви и верности клялся!

И в следующее мгновение она оказалась на свежем воздухе. Прохлада чистого апрельского вечера, чуть накрапывающий дождик освежили ее, ворвались в лёгкие, омыли глаза, ноздри.

Как куклу её засунули в жёлтое такси.

Над ухом что-то орал Иркин голос. Хлопнула дверца авто.

Крепкие, словно тиски, объятия подруги.

– Всё, всё, – шептала она, прижимая голову Стешки к своей груди, неистово приглаживая волосы, озябшие плечи, продрогшую спину.

* * *

– Стеша! – вскрикнула мать, стоило дочери переступить порог. – Объясни мне, что происходит?! Олег оборвал весь телефон, волнуется, переживает. Говорит, вы повздорили, ты убежала и теперь не берешь трубку. Что за мальчишество! Разве взрослые люди так поступают?!

Это всё было высказано сразу, в запале, прямо на пороге уютной и благоустроенной квартиры.

– Я не хочу его видеть, – коротко сказала девушка, просачиваясь мимо матери домой. Устало присела на пуф, сбросила туфли.

Татьяна Николаевна упёрла руки в бока, посмотрела на дочь сердито.

– Что значит «не хочу видеть»?

– То и значит. Не хочу. И не буду.

Мать на мгновение потеряла дар речи, беспомощно развела руки, но собралась быстрее, чем это можно предположить.

– Это что же ты могла такое учудить, что тебе стыдно ему на глаза показываться?! И почему ты раздета? Где твоё пальто?! – её голос становился всё громче и нервнее.

Ирина, неприкаянно стоявшая на пороге и беспокойно поглядывавшая то на Татьяну Николаевну, то на подругу, поняла, что ей пора вмешаться:

– Татьяна Николаевна, это, возможно, не совсем моё дело, но вы на Стешу зря нападаете. Олег с какой-то кралей в клубе лизался. Я это видела своими собственными глазами. И Стеша – тоже.

Татьяна Николаевна не удостоила Ирину взглядом, бросила через плечо:

– Простите, девушка, вы совершенно правильно заметили, это не ваше дело...

Ирка покраснела, сделала глубокий вдох и выдох, стараясь успокоиться и не наругать.

– Мам, не надо так с Иррой. Она моя подруга... И она говорит правду. Олег целовался с другой девушкой. И ему это чрезвычайно нравилось.

Татьяна Николаевна всплеснула руками:

– Этого просто не может быть. Ты наверняка что-то неправильно поняла!

– Ни фига себе неправильно! – Иванова вытаращила глаза и скривилась. – Что тут можно неправильно понять?!

Не говоря больше ни слова, Стешина мать схватила Ирину за локоть и буквально вышвырнула в коридор, с грохотом захлопнув за ней дверь.

– Дура!

Стеша покачала головой и направилась в свою комнату.

Татьяна Николаевна бросилась за дочерью:

– Стой, не смей уходить, пока я не закончила с тобой разговаривать!

Девушка зашла в свою комнату и закрыла за собой дверь.

* * *

Наконец, она осталась одна.

Не раздеваясь, она легла на диван, положив ноги на подлокотник – не очень удобно, но ей все равно.

Обрывки фраз, буквы сложились в вопрос, который повис над её изголовьем, подсвечивая его изумрудно-красным маревом: «За что?»

Что она, Стеша Сомова, двадцати трех лет от роду, умница и отличница по жизни, послушная дочь и верный товарищ, сделала не так?

«Всё, что нас не убивает, делает сильнее. Отлично. Новость об измене Олега меня не убила. Значит, сделала сильнее. Для чего? Какие планы у Всевышнего на меня, чтобы провести через эту грязь и мерзость? Через вот этот взгляд матери и слова «Что ты там такое натворила?»?»

Телефон вздрагивал и гудел, не переставая. Пришлось встать и выключить.

Требовательно постучала мать:

– Степанида, открой немедленно! Что за глупые выходки?!

Стеша тупо уставилась на дверь и включила магнитофон громче. Стоял как раз диск группы «Ария». «Есть точка невозврата из мечты».⁷ «Это как раз про меня», – Стеша опять легла.

Мерзко не то, что он полюбил другую: от этого никто не застрахован. Мерзко враньё. Грубое и систематическое. Заставлять её звонить строго по времени, встречаться в строго отведенные дни, строить совместные планы, предлагать платье, в котором ей следовало предстать перед будущей свекровью...

Какую роль он ей уготовил? Хотя... Стеша и так понимала: ждать Олега с работы, терпеть его «занятость», не задавать «лишних» вопросов, пока он будет наслаждаться жизнью во всех её проявлениях. Перед глазами встала целующаяся пара. «Котик», блин. В носу засвербело от всплывшего в памяти приторно-сладкого аромата.

Бросив в сумку пару сменного белья, свитер и запасные джинсы, она пересчитала отложенные на отпуск деньги. Торопливо вышла из комнаты, практически нос к носу столкнувшись с матерью.

– Ты куда собралась?!

– Проветриться, – и, не дожидаясь, пока мать опомнится, подхватила сапоги и выскочила на лестничную площадку. Сбежала на несколько пролётов вниз, только тогда нажала кнопку вызова лифта, уже слыша в спину материнский окрик. Обулась в кабине и, не оглядываясь, пробежала через пустынный холл и выскочила во двор.

Мчались, окатывая её серебрястыми огнями, машины, москвичи спешили домой, к плотному ужину под равнодушный шёпот ТВ, к развлекательным шоу и сериалам.

⁷ «Точка невозврата» – песня российской рок-группы «Ария», слова Маргариты Пушкиной, музыка Михаила Житняка, Виталия Дубинина.

На душе было пусто, гадко. И непонятно, что больше подкосило – предательство Олега или уверенность матери в его правоте.

Железнодорожный вокзал. Оранжевый продолговатый билет в один конец.

Душное тепло плацкартного вагона.

Она прошла на свою «боковушку», мельком взглянула на брошенную пассажиром верхней полки спортивную сумку, и устало присела на своё место, уставившись в черноту ночи.

В отражении мелькнула смущённая улыбка, тёмная фигура в военной форме замерла у откидного столика.

– Привет, – бархатистый голос, в который хотелось укутаться.

Она резко обернулась от неожиданности: серые глаза смотрели удивлённо и улыбались. Чёртики в их глубине озадаченно перешёптывались. Разве такое бывает?

Егор покосился на онемевшую девушку, снял чёрный китель и присел напротив.

Чёртики в светлых глазах замерли в ожидании:

– Чаю хочешь?

***Примечание автора.** Эта первоначальная версия истории Стешки и Егора. Когда-то она не оставила равнодушной читателей, и из небольшого рассказа появился роман «Танго sforzando», стремительное танго двух юных сердец, которым предстоит найти смелости защитить свое счастье и открыть секрет загадочного изумруда Дома Романовых. А сейчас для вас провокационная история, которая могла случиться в жизни любой читательницы. А, может быть, и случилась. Скажу по секрету, история родилась после «интервью» с моим мужем.*

Полюби меня властно

– Паспарту, подожди, – Натка высунула обгоревший и облупившийся нос из-под одеяла, легонько оттолкнула меня. Глаза блеснули в темноте.

Никогда не женитесь на одноклассниках, мужики. Кличка «Паспарту» приклеилась ко мне в седьмом классе, когда на вопрос учителя «какой самый главный документ в России», я с последней парты трижды ответил: «Паспорт». А он имел ввиду Конституцию.

До конца третьей четверти я был просто «Паспорт», а накануне восьмого марта, когда делали подарки девчонкам и оформляли их гребаным паспарту... Ну, вы поняли.

Короче, никогда не женитесь на одноклассниках – погонялово будет звучать в очереди, на пляже, в постели, будь вы уже двадцать лет как закончили школу.

Я подобрал съехавший на пол край хрусткого одеяла, сел, повернул выключатель светильника на минимум.

– Че те надо, Сеницына?

Натка надула губы, шмыгнула носом.

– Мы же в отпуске. В кои веки без детей... Опять же – юбилей завтра, хрустальная свадьба. Давай как-нибудь романтично?

– Что романтично? – не понял я. Лучше б не спрашивал.

Натка покраснела, на лбу выступила испарина. Вытащив руки из-под одеяла, она вцепилась в край пододеяльника. Набравши в грудь побольше воздуха, выпалила:

– Хочу, чтобы ты взял меня властно.

Не, Натка в целом-то у меня адекватная. Бухгалтер, зарплату людям начисляет. В декрете дважды отсидевшая. Толстого любит, опять же. Но что-то в ней переменялось за эти шесть месяцев после Нового года. Томное поблескивание в глазах. Долгий взгляд. Прерывистое дыхание.

Как-то иду по коридору, она у зеркала вертится. Развернется и как шлепнет меня по ягодицам...

И, главное, посоветоваться не с кем. Не с мужиками же обсуждать, в самом деле.

– Наташ, ты конкретнее выражайся. Что значит «взял», как именно «властно»? – тянул время я.

Натка подготовилась, даром что ли отличница, – достала из-под подушки электронную книгу, которую я ей подарил на Новый год, сунула мне под нос:

– Вот так. Примерно, – и покраснела.

Я поправил подушку, подвинулся ближе к лампе и, добавив мощности светильнику, нацепил очки.

«Он перехватил мои запястья, властно закинул их за голову», – прочитал я. Заметив знакомое слово, перечитал. Покосился на Натку: супруга, закусив губу, барабанила пальцами по пододеяльнику. Я вернулся к тексту. «Я возьму тебя здесь и сейчас, лучше не сопротивляйся», – увидел я еще одно искомое слово.

– Натка, – я отложил «инструкцию», повернулся к притихшей жене. Подкрался к укутанному в одеяло бедру, тихонько ткнул пальцем. – Ты нафига себе это в книжку закачала?

Супруга фыркнула, подобралась и ловко выскользнула из-под моих ладоней. Нацепила на округлые плечи халат.

– Дим, мы с тобой пятнадцать лет в браке. Ты у меня первый. И единственный, – на всякий случай уточнила она, – но ведь это же не значит, что я не хочу никакого разнообразия?!

Какая-то логика в этом была. Но мотивация явно «провисала».

– Почему разнообразие вот в таком виде должно выражаться? – я кивнул на электронную книжку.

Натка запахла халат, нервно тряхнула волосами:

– Потому что я хочу так. Попробовать. Один раз.

– А если мне понравится? И ты во мне разбудишь мачо? Чего мы с ним будем делать? – я прищурился.

Наташка моя покраснела. Выдохнула и решительно сказала:

– Будем его ублажать.

По работе я привык договариваться что называется «на берегу», до заключения сделки. Желательно письменно. Этот вариант, конечно, подошел бы идеально и в этой ситуации. Но Натка застала меня врасплох, и бумаги под рукой не было.

– Так, давай уточним, – я хотел хотя бы проговорить все условия. – Ты желаешь получить такой секс, за который в приличном обществе мужику полагается уголовная ответственность. Верно?

Наташка насторожилась:

– Ну, это же со мной. Я же согласна, – растерянно отозвалась она и присела на край кровати.

– А на тебе не написано, что ты согласна, и что ты моя, – отрезал я. – Но это не важно. Раз хочешь, значит, получишь.

Я выбрался из-под одеяла, демонстративно прошел к шкафу, достал парадные джинсы. Развернувшись к Наташке, надел прямо так, без белья. С удовольствием отметил, как у жены округлились глаза, в серой дымке бенгальскими огнями загорелся страх и сомнение, рот приоткрылся.

– Дим... Ты чего задумал?

Поправив пояс – не ожидал, что швы так царапаются и трут – я схватил с полки свежую футболку. Направился к двери: не будить же в себе властелина при Натке.

– Ди-им!

– А! Эту... Инструкцию свою давай! – Эффектный выход не получился. Ну и фиг с ним. Наташка и так, кажется, дар речи потеряла. Потянулась за книжкой, передала мне. В глазах – полный вакуум. – Жди тут.

Кажется, я начал входить в роль.

* * *

Итак, что у нас есть?

Один тридцатипятилетний начальник одного не очень крупного строительного бизнеса и одна его уже пятнадцать лет как жена. Которую он знает по факту двадцать пять лет. Он помнит ее прыщи. Помнит ее с нулевым размером груди. Он помнит ее с токсикозом. Видел пьяной, уставшей, невыспавшейся, ненакрашенной, сильно накрашенной, болеющей гриппом, после родительского собрания.

Двадцать пять лет. Целая жизнь!

Я спустился на первый этаж сонного анатолийского отеля. В баре уже почти не было посетителей, бармен приветливо улыбнулся и сообщил, что через сорок минут они закрываются. Мне, может, и хватит.

В Наташку я втрескался в восьмом классе. После летних каникул она пришла с огромным букетом, в мини, едва прикрывавшем попу, и жуткой блузке с необъятным жабо. Она была отличницей, а я – Паспарту. Я не решался к ней подойти весь восьмой класс. А в конце года, в последний учебный день, она сама подошла ко мне и спросила:

– Дим, а ты с родителями когда на дачу уезжаешь?

Вот так просто. Не «Паспорт», не «Паспарту», а «Дима». Я, кажется, забыл, что умею говорить, промычал в ответ что-то невнятное. И на дачу с родителями в то лето я не поехал.

Мне было пятнадцать. Я устроился на стройку, таскал гвозди и пеньку, бегал мужикам за пивом. А она ждала меня в сквере после «работы», и мы шли в кино. Или гуляли на набережной.

Я вспомнил, как поцеловал ее в первый раз. Я понтовался перед ней, забрался на парапет моста. И шлепнулся, конечно. Пострадало самолюбие, и чуть оцарапал руки. Натка взяла их в свои ладошки и долго дула на присыпанную мелким песком ранку. Так близко, что я слышал, как в панике бьется ее сердце. Она подняла голову, я наклонился и коснулся губами ее губ.

Думал, даст по шее.

А она замерла. Даже дышать перестала. И сердце в ее груди бухнулось и тоже застыло. На мгновение. На миллисекунду. А потом она распахнула глаза, и я спекся окончательно – поклялся, что Наташа будет моей женой.

У нее они странные, глаза. Серые, с дымкой. Камень такой есть похожий, раухтопаз. Я подарил ей в прошлом году кольцо с ним. Не знаю, чего не носит. Спросить как-то неудобно: вдруг, не понравилось.

Самое главное. Она же тоже у меня первая. Хоть и не знает об этом.

В школе еще учились. Уже два года, считай, встречались, за ручку ходили. А тут майские праздники. Сирень цветет, запах над Москвой оглушительный. Солнце. А Натка с ангиной. Температура под сорок. Мать ее позвонила, попросила присмотреть – ее саму на работу срочно вызвали. Пришел, а Натка вся такая измученная, несчастная. Говорит, почитай химию, а то боюсь, отстану сильно.

Ну и почитали. Дочитались, в общем.

Даже сейчас помню, как она звенела в моих руках. Как вздрагивали острые нескладные плечи, как темнели глаза. Господи, мы ж не умели ничего тогда, ничего не знали. И вот поди ж ты, столько лет, а будто только вчера.

И как вот это все я могу «взять», еще и «властно»?

– Еще будете? – спросил бармен. Бар совсем опустел, но он не прогонял меня. Присел напротив, придвинул бокал, наполненный доверху льдом.

Я кивнул.

Парень плеснул горьковатый и на вкус, и на цвет напиток, посмотрел с интересом.

– У вас завтра юбилей свадьбы, – не спросил, а именно сообщил. Я удивленно оторвал глаза от искрящегося бокала. Парень улыбнулся широко: – На ресепшнере предупредили, у нас с этим строго. Весь персонал в курсе, как выглядят постояльцы с «важными датами»: день рождения, день свадьбы...

«Капитализм с человеческим лицом», – некстати мелькнуло в голове.

– Выпейте со мной, – предложил вслух. Парень все-таки из-за меня на работе задерживается. – У вас девушка есть? – спросил.

Бармен улыбнулся еще шире. Похоже, он надо мной потешался.

– Есть, – ответил, – но ведь спросить вы хотели не об этом. Валяйте, экстренная психологическая помощь входит в пакет услуг. Я ведь все-таки будущий психолог.

Я опять уставился в бокал. Не буду же я обсуждать свою жену с первым встречным?

– Она хочет новизны в отношениях. Хочет грубой романтики попробовать, – меня провало неожиданно. – Книжек начиталась. – Я схватил электронную книгу, зачитал бармену фрагмент. – Как я могу «сжать», «скрутить», блин, Наташкину грудь? Она ею моего сына кормила. Ее руки дочку мою качали, а я их буду как варвар выкручивать?

Я отбросил в сторону электронную книгу, отвернулся.

– Просто любите ее как в первый раз, – тихо улыбнулся будущий психолог. – И как будто в последний.

* * *

Дурак. Много он понимает, желторотик. Пацан. Салага.

Еще учить меня будет.

Натка распахнула дверь, стоило мне только подойти: ждала. Глазищи шальные, испуганные. Увидев, отшатнулась, утонула в темноте.

– Димка, я думала, ты обиделся, – прошептала.

Зашел в номер. Разобранная постель, совсем такая, как час назад. С балкона врывается пропитанный отпуском ветер. Над горизонтом уже занялась тонкой полосой заря. Натка зареванная, тревожная, натянутая, словно струна.

Как тогда, в первый раз.

Я привлек ее к себе. Просто чтобы заглянуть в глаза, увидеть эту дымку заветную. А увидев – не расплескать, не растратить.

Натка тихо вскрикнула, уставилась испуганно-удивленно. Я держал руку на ее плече и чувствовал ее напряжение. Чуть отвел воротник халата, чтобы дотронуться до шеи. Родной. Манящей как тогда, в первый раз. С трогательным изгибом и завитками каштановых, пахнущим домом волос.

Склонился к ней, впитывая ее аромат. Миндаль и облепиха. Зарылся пальцами в волосы, обхватил затылок.

Вся моя.

– Я не могу тебя «грубо» и «властно», – прошептал в губы. – Могу только как в первый раз, – и, не дожидаясь ответа, поцеловал.

Сердце в груди будто поймало солнечного зайчика – Натка подалась вперед, впечатываясь в меня, жарко приоткрыла губы.

Руки вспорхнули, легли на плечи.

И так тепло сразу стало. Так светло. Будто вот так, махом, минус двадцать лет жизни с плеч. Будто тебе снова семнадцать, и эта девочка в твоих руках – центр огромной неизведанной вселенной.

* * *

– А ты почему не носишь кольцо, которое тебе подарил? Которое с раухтопазом... – побросав на пол одеяла и подушки, мы смотрели, как просыпается солнце. Длинные оранжевые лучи лениво тянулись к нам, плясали на наших обнаженных телах.

Она смущенно потеряла облупившийся нос о мою щетину, уткнулась в шею. Стало щекотно.

– Жалко. Боюсь потерять все время: там камень большой.

– Носи, – подумал и добавил: – Тебе к глазам подходит.

Примечание автора. *Что мы знаем о наших подростках дочерях? О чем они мечтают, к чему стремятся, чем живут? Всегда ли мы знаем ту границу между дочерью-малышкой и дочерью-взрослой женщиной.*

Муська

«В черной-черной комнате на черном-черном диване смотрит в черное-черное окно черная-черная женщина», – Александра покачивалась, обняв себя за плечи, баюкая. А назойливая детская страшилка никак не забывалась.

Она посмотрела на часы: половина одиннадцатого вечера. Через пасмурное небо не пробивается свет ни одной звезды. Фонарь на углу, рядом с автобусной остановкой уже месяц как обещают починить.

Александра заставила себя отвернуться от окна – от того, что она гипнотизирует ночь за окном, дочь на дороге к дому не появится.

«Ненавижу», – бросила в лицо утром, схватила рюкзак и выскочила из дома. Телефон остался дома – Александра обзвонила всех друзей и знакомых из списка контактов – ни у кого Иринка не появлялась. Либо сказали, что не появлялась.

Десять часов тридцать шесть минут.

Александра обошла комнату кругом, в сотый раз за этот день прокручивая утренний спор.

Хотя нет. Не правда. Прокручивать приходилось последние три месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.